

Нас сегодня называют «дети войны» — тех, кто родился накануне или во время войны и вместе с матерями ждали своих отцов с фронта. Я родился накануне — 5 мая 1938 года.

Моя мать — Хованская Розалия Петровна (в девичестве Ягодзинская) родилась в 1918 году в селе Троицком Тюльганского района Оренбургской области в семье «красного» ссыльного из г. Львова провизора и выпускницы Оренбургского высшего епархиального училища (Институт благородных девиц), работала учителем по месту жительства в деревне Надеждинка Гавриловского (позднее Саракташского) района Оренбургской области.

Отец — Хованский Владимир Григорьевич 1917 года рождения родился здесь же, в Надеждинке.

После окончания Оренбургского педагогического института

как комсомолец-активист был направлен в 1937 году на комсомольскую стройку — Медногорский медно-серный металлургический комбинат — в качестве представителя ЦК ВЛКСМ.

На стройку отец приехал вместе с мамой. Им дали отдельную комнату в бараке на 10-м разъезде (ныне станция и г. Медногорск), где я и родился в 1938 году.

В том же году папа отправил маму со мной в Надеждинку, где проживали его и мамы родители, а сам в 1939 году подал заявление о приёме в Оренбургское пехотное училище, которое окончил 18 июня 1941 года. Молодым пехотным командиром в звании лейтенанта он был направлен для дальнейшей службы в укрепрайон Юго-Западного военного округа в г. Перемышль.

Уже от Киева до Перемышля его встречают первые воздушные тревоги, которые молодой лейтенант воспринимает как учебные, первые потоки беженцев, первые разрывы фашистских авиабомб, первое людское горе, первые слёзы — всё первое... И война...

Для меня отец всегда был непререкаемым авторитетом за честность и глубокую порядочность, за строгость в воспитании и детей, и подчинённых, за умение убедить, за доброту, которую он нёс людям.

Его не стало в 1991 году.

Перебирая его документы, я наткнулся на пробитую пулей

тетрадь... Это был его личный дневник, который он вёл со дня выпуска из училища до 13 ноября 1941 года. Дневник всегда был с ним и прикрывал его грудь.

Однажды он спас ему жизнь...

Этот дневник я, конечно, видел намного ранее, но как-то не осмысливал его значения тогда. Не осмысливал сначала из-за отроческо-юношеской безалаберности, позже — из-за учёбы, работы. А тут его смерть и... дневник... Что-то сжалось внутри. Отец, дневник — живые свидетели трагедии того времени.

И снова сжалось сердце — как же я мало знаю о нём. Ведь жили-то рядом всю жизнь; ну, слышал его рассказы о войне, о подвиге советского солдата в ней. Он скупно рассказывал о себе, а больше о подвигах солдат его батальона.

О фронтовых путях-дорогах отца я узнал ещё со слов его друга — бывшего командира разведроты 232-й стрелковой дивизии, а позже — начальника штаба полка подполковника Евгения Головина, журналиста по профессии, который уже после войны всегда был дорогим гостем отца.

Итак, войну он встретил лейтенантом, командиром роты. От Перемышля отступали с боями вплоть до Курска. Неоднократно попадали в окружение и с боями вырывались. Теряли товарищей, но не теряли уверенности в победе.

«Под Курском прорваться не смогли и всеми остатками батальона, которым командовал, — как сказано в приговоре № 66 военного трибунала Курского гарнизона от 5 мая 1949 года, — в июле 1942 г. попал в окружение, был ранен и остался на оккупированной территории Мантуровского района в с. Большие Бутырки.

Находясь на оккупированной территории, Хованский В.Г. имел связь с партизанским отрядом, распространял листовки среди населения, собирал оружие и продукты для отряда, а с декабря 1942 года по февраль 1943 года до соединения с частями Советской Армии находился в партизанском отряде и принимал участие в боевых действиях отряда против фашистов и их пособников».

За этими скупыми строками приговора не видно тех качеств, которыми в той обстановке обладал отец — смелость, выдержка, верность долгу, умение действовать самостоятельно и рисковать ради выполнения поставленной командованием отряда задачи. Не видно тех трудностей, которые ему пришлось преодолеть.

Так, остановившись по ранению в селе Большие Бутырки Мантуровского района Курской области, он подружился со старостой села, который был связан с партизанским отрядом «За Родину!» Этот староста в последующем неоднократно выручал его и снабдил отца документами, по которым он был якобы дальним родственником старосты, ранее осуждён и бежал от Советов, а теперь выжидал, когда

Курсант Оренбургского пехотного училища Хованский Владимир Григорьевич с женой Розалией Петровной. 1938 год

немцы освободят его родное село на западе Курской области.

Однажды в одном из сёл отца арестовала полевая жандармерия. Доставили в пункт проверки. Проверив документы и выслушав его рассказ, жандарм вдруг рявкнул: — Jude? (Еврей?) Следует заметить, что в ту пору ему было всего 23 года, волосы были густые и чёрные, и он действительно смахивал на еврея. «Да какой там еврей? Вот и документы...» Тут в помещение влетел наш староста и подробно стал объяснять, кто такой мой отец, конечно, согласно легенде. Немец сбавил тон: «Раздевайся!» Отец и староста опешили, но всё же отец разделся. «Догола!» — рявкнул немец.

Отец выполнил указание. «Нет обрезания, — сказал немец, — значит, не еврей!» Вернул документы и велел убираться.

«Пронесло... — сказал уже позже староста. — Но ты, Иван (имя отца по легенде), поостерегись! Поговаривают, что ищут какого-то эмиссара из партизанского отряда, который собирает оружие и продукты. Говорят, что какая-то женщина из нашего села пособничает немцам и включилась в активный поиск партизана...»

Отец работал в основном в Мантуровском районе, где и петлял из села в село в поисках оружия и боеприпасов, выявляя заодно пособников фашистам. Оружие складировалось у верных

людей, а затем переправлялось в отряд. Об этом было известно узкому кругу лиц. Для остальных и немцев — он ходил из села в село под предлогом поиска работы: кому-то дрова поколоть, сена заготовить, сарай починить; а кому-то оказывал помощь по хозяйству за то, чтобы его накормили. Он всегда восхищался советскими людьми, которые не теряли мужества, находясь на территории, занятой врагом, где им самим приходилось терпеть и холод, и голод. Он брал на заметку настоящих патриотов Родины и сообщал о них в партизанский отряд.

Именно эти люди, претерпевая страх и риск быть расстрелянными, спасли жизни партизанам, раненым в боях с фашистами. Именно эти люди встали на его защиту, когда он был арестован людьми Абакумова 21 марта 1949 года, будучи начальником штаба Уфимского пехотного училища (командир генерал Назаров), но об этом — чуть ниже.

Как-то при переходе из села в село его остановил начальник пункта полиции одного из сёл. В розвальнях рядом с ним лежала винтовка. Проверив документы, расспросил, куда и зачем идёт. Как обычно, отец сказал, что подрабатывает в близлежащем селе у зажиточного крестьянина, где и харчится.

Полицай велел сесть рядом и сказал, что подвезёт. Отец сел и подумал: «Заедем в распадок,

выдерну из-под него винтовку... и на его добротном коне скроюсь».

Полицай вёл себя настороженно, прибавил ходу. В распадке нагнали две санные повозки, битком набитые немцами, которые ехали и горланили песни. Полицай вклинился между повозками, и так доехали до Мантурово.

— «Он остановился около гестапо и повёл меня в дом», — вспоминает отец. — «У меня перехватило дыхание. Гестапо — это серьёзно. Мы вошли мимо часового в вестибюль.

— Присаживайся — негрубо сказал полицай и, предложив подождать, зашёл к шефу гестапо.

В это время в комнату вошли два полицая, о чём-то весело разговаривая. Я кинулся к ним со словами «стоит ли лошадь у крыльца?» Те ответили, что не видели. Украли! — крикнул я и метнулся к выходу». Немец у входа, не поняв о чём идёт речь (вряд ли знал по-русски) и видя дружелюбное отношение полицая к отцу, принял его за своего и выпустил из вестибюля. Выйдя на улицу, отец неспешно отвязал коня, сел в повозку и покатил. Отъехав 2-3 квартала, свернул в проулок, в каком-то закутке привязал подводу и кинулся за околицу. День был базарный. Народ разбрёдался по сёлам. Отец подхватывался помочь то одному, то другому, то женщине с ребёнком, то старику с санями. Так он старался побыстрее и подальше уйти от Мантурово.

Он уже проделал около 10 км от райцентра, когда зашёл в последний дом на окраине села и попросил пить. Женщина подавала ему ковш с водой, и он жадно припал к нему. Когда отец, едва переведя дух, направился к двери, дорогу ему загородил огромный детина: «Партизан? Не пущу!» — сказал он. «Пойдём в полицию». «Какой партизан?» — со злостью сказал отец. «У меня мешок муки спёрли. По слухам, из соседнего села. Вот догоняю!» На лице отца было столько ярости, что полицай поверил и выпустил.

Отец выскочил из дома и вскоре свернул через огороды к лесу, проваливаясь в глубокий снег. Уже на окраине леса увидел, как к дому, из которого он только что вышел, подкатило несколько розвальней, набитых немцами, они стали шарить в округе. Отца тогда спасли надвигающиеся сумерки. Он прошёл в темноте ещё несколько километров, когда услышал вой волков. Забрался на дерево. Сначала под деревом появился один хищник. На его вой откликнулись другие, и вскоре вокруг дерева их был целый хоровод. «От одних зверей ушёл, но не сдаваться же другим» — подумал отец.

А мороз крепчал. Начал замерзать. Сначала решил привязать себя ремнём и передремать до утра. Но мороз упорно проникал в складки нехитрой одежды.

Чтобы не замёрзнуть, стал лазить по дереву вверх-вниз.

Согревшись, отдыхал и снова — вверх-вниз. И так до рассвета. С рассветом волки ушли, и он пошёл на базу отряда. Километров через 10 встретил патруль из партизанского отряда, который сообщил, что в отряде уже известно, что полиция и полицейши на ушах — все ищут в Мантурово «эмиссара», который ушёл от гестаповцев; а так как отряд ушёл со старой базы, то на подходе к ней оставил патруль. Они переоделись, накормили отца и направились в отряд.

Работал однажды отец в деревне недалеко от Больших Бутырок. Вдруг к нему прибежал полицейши, имеющий связь с партизанским отрядом. Его брат был заместителем начальника местной полиции. Он ему сообщил, что в указанной деревне, по информации учительницы немецкого языка школы села Б.Бутырки Ивашкевич Матрёны Никифоровны, скрывается «эмиссар» партизанского отряда, которого разыскивает гестапо. Эта дамочка, с его слов, отправила на виллицу многих наших патриотов или родственников коммунистов и им сочувствующих. Начальник полиции собирает полицейше для облавы в деревне.

«Наш» полицейши вывел отца за деревню глухими тропами и велел доложить в отряде о пособничестве Ивашкевич фашистам, передал список арестованных по её наводке.

В феврале 1943 года партизанский отряд встретился с первыми частями Красной Армии.

До Курской битвы, в результате которой была освобождена вся Курская область, в том числе и район действия партизанского отряда «За Победу!», было ещё целых 6 месяцев, а пока на Курско-Орловской дуге шли бои местного значения. Сегодня Большие Бутырки возьмут части Красной Армии, а через 2-3 дня они снова у немцев. Многие сёла переходили из рук в руки неоднократно.

Однажды отца вызвал командир отряда и, познакомив с капитаном из «Смерш», сказал: «К нам обращается «Смерш» с просьбой арестовать Ивашкевич Матрёну, которая пособничала немцам. Ты её знаешь. Бери с собой двух партизан (он назвал фамилии парня и девушки) и идите за ней в Б.Бутырки, освобождённые Красной Армией накануне. Не дайте ей скрыться».

Капитан «Смерш» уточнил, что после ареста нужно доставить её в штаб фронта, расположенный в 10 км от Б.Бутырок.

В тот же день Ивашкевич была арестована, вместе с ней группа во главе с отцом направилась в расположение штаба фронта. Однако село, в котором должен был находиться штаб фронта, уже оказалось в руках немцев; в деревне, где стояла группа «Смерш», шёл бой — там тоже были немцы. Повели её

назад в Б. Бутырки, но и там уже шёл бой с немцами.

Посоветались: куда вести? Ивашкевич сама подлила масла в огонь: «Кругом немцы — предлагаю вам сдать, я вас сдам в гестапо».

Уж так она разозлила этим группу, что паренёк не выдержал: «Хованский! Дай я её лично прикончу прямо здесь!»

Отец вначале возражал, но, после многочасового блуждания в тылу у немцев, решили — расстрелять! И паренёк привёл решение в исполнение.

Этот эпизод стал роковым в жизни отца. В 1948 году, когда командование ЮжУрВО направило отца с должности начальника штаба Уфимского пехотного училища на курсы «Выстрел» (г. Солнечногорск) для подготовки в академию, на этих курсах он и был арестован 28 ноября 1948 года.

Основание таково: родители расстрелянной Ивашкевич обратились в военный трибунал Курского гарнизона с жалобой на моего отца, который якобы сотрудничал с немцами. Ивашкевич (их дочь) узнала об этом, хотела сообщить в «Смерш», но не успела, так как Хованский её расстрелял.

Восемь месяцев длилось следствие, где отцу прямо прочли расстрел или 25 лет лесоповала. Следователи без зазрения совести выколачивали из свидетелей нужные для обвинения показания.

В ходе следствия выяснилось, что капитан «Смерш» погиб при освобождении Белоруссии, паренёк из группы отца погиб в Польше, большинство свидетелей запугано. Но вот разыскали командира партизанского отряда «За Победу!» и ту девушку, что была в тройке Хованского, были названы фамилии людей, которых Ивашкевич выдала, и следствие стало тормозить.

Но люди МГБ в ту пору «не могли ошибиться». Поэтому в приговоре записали: «Во время прихода советских войск Хованский, пользуясь слухами о предательской деятельности гражданки Ивашкевич Матрёны Никифоровны, её арестовал и самочинно расстрелял в феврале 1943 года.

На основании изложенного Военный трибунал признал Хованского виновным в преступлении, предусмотренном ст. 136 «а» УК РСФСР.

Руководствуясь статьями 319-320 УПК РСФСР, Военный трибунал приговорил: «Хованского Владимира Григорьевича на основании ст. 136 «а» УК РСФСР лишить свободы в исправительно-трудовых лагерях на пять лет без поражения в правах.

Учитывая, что Ивашкевич действительно пособничала немцам, что преступление совершено в 1943 году, что Хованский является участником Великой Отечественной войны, активно

вёл борьбу на командных должностях против немцев с начала и до полной победы, за что награждён четырьмя орденами и двумя медалями и что он на сегодняшний день не является общественно-опасным, Военный трибунал считает возможным применить к нему статью 53 УК РСФСР и определённую меру наказания считать УСЛОВНО с пятилетним испытательным сроком. Меру пресечения изменить, из-под стражи освободить. 20 июня 1949 года».

После Курской битвы, когда партизанский отряд соединился с частями наступающей Красной Армии, отец был назначен командиром роты в 794-й стрелковый полк 232-й стрелковой дивизии. В составе этой дивизии отец участвовал в сумской операции, где была окружена и уничтожена большая группировка фашистских войск.

Вскоре, уже командиром батальона, отец принимал непосредственное участие в освобождении Киева. В частности, в составе полка захватил плацдарм на правом берегу Днепра, обеспечивая коридор для прорыва частей Красной Армии. В результате уже 7 ноября 1943 года Киев был освобождён полностью, а 232-я стрелковая дивизия стала называться Сумско-Киевской ордена Богдана Хмельницкого. За эту операцию отец, как и многие другие командиры, был награждён орденом Богдана Хмельницкого.

Хованский В.Г. после войны

Об одном из эпизодов этого сражения я узнал со слов друга отца — бывшего помощника начальника штаба 794-го полка Евгения Дмитриевича Головина:

«...Орудийный расчёт артиллерийского дивизиона, приданного батальону Хованского, со своей материальной частью переправился через Днепр вслед за стрелковыми подразделениями. Предрассветный туман быстро рассеивался, но противник давно обнаружил место переправы и вёл сильный огонь. Четыре плота с орудиями и большая лодка со снарядами были уже на середине реки. Пока всё обходилось благополучно, хотя вокруг рвались десятки снарядов и мин... Уже у самого

берега перегруженный плот накренился и орудие свалилось в воду. Хорошо, что было уже мелко. С берега на помощь артиллеристам сбегали бойцы батальона, и общими усилиями удалось вытащить орудие на позицию. Вскоре орудия били прямой наводкой по атакующим фашистам, которые пытались сбросить наших с плацдарма в Днепр. Подбили танк, но из ложины к нашим позициям подобрался другой, остановился и начал разворачивать пушку в нашу сторону. Этих секунд хватило нашим пушкарям — раздался выстрел. Танк сначала закрутился на месте, а потом из него повалил дым. Тем временем батальон расширил плацдарм, а с того берега в прорыв устремились наши части...»

«Царица полей» — пехота шаг за шагом отвоёвывала у фашистов занятую у них нашу территорию. Впереди на пути у отца к Победе были города и сёла, три укрепрайона...

И вновь своими воспоминаниями о подвигах отца в тесном кругу нашей семьи делится Евгений Дмитриевич Головин: «...Всю весну и лето сорок четвёртого года дивизия, как и её соседи, стояла в обороне на рубеже между Молдовой и румынской рекой Серет в предгорьях Карпат».

Тут Евгений Дмитриевич поясняет, что порой даже в официальных документах ошибочно

путали дзоты (деревянно-земляные огневые точки) с дотами, по праву называемыми долговременными, потому что они действительно являются очень прочными оборонительными сооружениями с прочными железобетонными стенами и таким же непробиваемым покрытием. Доты выдерживают любой артиллерийский огонь. Зато обороняющиеся ведут из них огонь согласованный, перекрёстный, многослойный, простреливающий каждый клочок земли.

«Именно линия дотов была впереди нашей дивизии. И на одном из участков перед ними находился стрелковый батальон майора Хованского.

Между воюющими сторонами всего-то четыреста — пятьсот метров, но как подобраться к дотам и сокрушить извергающую огонь твердь?

Однажды на НП (наблюдательный пункт) майора Хованского пришли командир корпуса генерал-майор Любовцев, командир дивизии генерал-майор Козырь и начальник штаба дивизии полковник Амосов. Хованский, докладывая обстановку, гадал, чем вызвано их появление? Его озадачил их повышенный интерес к поведению противника, к настроению солдат в его подразделениях и даже к той простреливаемой всеми видами огня противника местности в полосе раздела. «Неужели подошло время готовиться к наступлению?» — мелькнула мысль комбата.

Несколько прояснил вопрос генерал-майор Козырь: — Знаю, Хованский всё сможет. А если уж мы добавим ему артиллерии и всяких других средств побольше, чем положено по закону божьему...

Тут снова озадачил начальник штаба Амосов, объявив тоном приказа:

«Слушай, майор Хованский! Ночью скрытно твой батальон снимается с участка и направляется в тыл. Смена участка должна произойти так, чтобы противник ничего не заметил. Понятно?»

«Понятно», — ответил комбат, хотя пока всё было не понятно, но приказы не обсуждаются.

Когда батальон вышел в тыл, укрывшись в лесу, Хованский получил новую вводную: отныне батальон будет именоваться штурмовым. Ему предстоит прорывать оборону противника, засевавшего в дотах и именно на том же участке, который только что оставил. Стояла задача — прорвать вражескую оборону во что бы то ни стало, чтобы, в случае успеха, в прорыв ввести всю дивизию.

Отец понимал, насколько сложна и тяжела, а вместе с тем почётна и ответственна задача, которую ему предстоит выполнить. На протяжении всего боевого пути подобного по тяжести у него не было. Почему же ему выпала такая честь?

На этот вопрос Головин отвечает так:

«...Возможно, определённую роль сыграли смелые, решительные действия его батальона перед выходом на государственную границу СССР и при форсировании реки Прут, за которой началась Румыния...

...Тогда на последних десятках километров перед государственной границей в самом деле действовали очень решительно и вместе с тем очень расчётливо. Хованский понимал, что противник деморализован, отступает беспорядочно, стремится укрепиться за рекой. Понимал и требовал от командиров рот стремительно продвигаться вперёд, не опасаясь, что в тылу могут остаться разрозненные вражеские группы. Вперёд и только вперёд! Так он первым вышел к реке, первым доложил командиру полка, отступая от уставной формы доклада: «Стою на последнем клочке священной советской земли, полностью освобождённой от ненавистных оккупантов на нашем участке фронта!»

Командир полка полковник Исаев, тоже очень взволнованный докладом Хованского, решил, однако, уточнить: «Прошу официально доложить, вышел ли батальон на реку Прут, то есть на государственную границу СССР с Румынией? Далеко ли сам находишься от реки?»

«Докладываю, — сказал комбат. — Батальон вышел на берег реки Прут. Стою около воды», — и уже по-мальчишески радостно

— взволнованным тоном: — «Пью из реки водицу. Ох, и хороша она!»

«Молодец, Хованский! — Прокричал в трубку командир полка. — Жди меня на берегу!»

Какой-то солдат, тяжело раненный на подступах к реке, наотрез отказался эвакуироваться в тыл. Истекая кровью, отказываясь от помощи, он продолжал ползти вперёд, преодолевая метр за метром. И только когда дополз до воды, легко вздохнул и заявил: «Вот и очистили родную землю от проклятого врага, теперь, пожалуй, забирайте меня, буду спокойно лечиться».

За то, что первым вышел к государственной границе, отец был награждён орденом Красногo Знамени, а дивизия была удостоена ордена Суворова.

Наверное, за этот подвиг отцу выпала честь в Карпатах прорывать укрепрайон. Началась подготовка к штурму...

Восемь дотов в полосе прорыва. По показаниям пленных, это полутораметровые железобетонные стены и такие же непробиваемые сверху покрытия, имеющие снаружи толстый резиновый настил, так что снаряды, взрываясь, отскакивают, не причиняя вреда. Внутри дота — два углубляющихся этажа, а там — целый гарнизон, до срока человек. Все подступы к дотам заминированы, прикрыты сплошной линией минных и проволочных заграждений.

Началась кропотливая подготовка к штурму. Восемь дотов. Столько же было создано штурмовых отрядов. На учебном поле до минуты и секунды комбат выверял каждый бросок группы. Замполит батальона капитан Ратников в минуты перекура напоминал бойцам суворовское правило: тяжело в учении — легко в бою.

Отец в это время нёс двойную нагрузку: он с бойцами штурмовых групп на учебном поле то уходил на передний край обороны для изучения обстановки на участке прорыва, то с наблюдательного пункта в стереотрубу ещё и ещё раз рассматривал доты, искал новые детали предстоящего штурма и вносил их на учебное поле.

За два дня до перехода батальона к месту прорыва на передний край участок прорыва обрабатывался нашей авиацией. Налётом удалось снять с дотов земляной покров, обнажить их.

Ночью батальон, покинув учебные поля, скрытно занял отведённый ему на передовой участок.

22 августа на рассвете заговорила артиллерия.

Вспоминает Евгений Головин: «...Хованский находился на переднем крае обороны, на исходном положении для атаки. Здесь был его КП. Огнём сметались проволочные заграждения, перепахивались минные поля. Заиграли «катюши» и это было сигналом к атаке».

Ни секунды не задерживаясь, из окопов пошли штурмовые группы, каждая устремилась к «своему» доту. Комбат оценил их действия одним словом: «Молодцы!»

Но доты, как ни обрабатывала их наша артиллерия и «катюши», ожили, когда штурмовые группы были уже в непосредственной близости первой линии железобетонных укреплений, а некоторые вплотную подобрались к ним. Над дотами стали появляться красные флажки. Сапёры прокладывали взрывчатку, огнеметчики направляли струю огня в любую щель. А в это время огнём артиллерии обрабатывалась вторая линия обороны противника. Вскоре и сам комбат перевёл свой КП поближе ко второй линии обороны противника. Фашисты не теряли надежды восстановить позиции. Батальон был контратакован самоходными орудиями, за которыми шли немецкие автоматчики. И снова заговорили «катюши».

Находившийся рядом с Хованским командир батареи 76-мм орудий старший лейтенант Усманов и командир батареи 120-мм миномётов капитан Субботин точно скорректировали огонь по противнику. Контратака захлебнулась. Рядом с КП комбата стояла подбитая самоходка и валялось множество трупов вражеских солдат.

Раздался страшный силы взрыв. Это, как выяснилось

позже, штурмовая группа младшего сержанта Максима Булаха, подложив под дот 500 кг взрывчатки, вывернула наизнанку железобетонную громадину.

Жестокий бой продолжался. Чтобы помешать новой контратаке немцев и румын, комбат бросил в бой приданную ему полковую роту автоматчиков, которой командовал отважный лейтенант Павел Болдышев. Она сделала своё дело. И вот из сохранившихся, но обессиленных дотов стали выходить и сдаваться остатки противника со своими командирами...»

Головин вспоминает, что об этом страшном, но героическом дне армейская газета «За Победу!» под заголовком, набранным крупными буквами: «Слава воинам офицера Хованского!» сообщала: «Бойцы батальона Хованского уничтожили восемь дотов и взяли в плен более 200 гитлеровцев».

В прорыв устремились части дивизии, а батальон Хованского остался в тылу для принятия пополнения и подготовки к новым боям. Личный состав батальона был представлен к наградам, а Хованский за этот подвиг награждён вторым орденом Красного Знамени.

Но, как рассказывал отец, в резерве долго побыть не пришлось — опять в бой. Наступая, батальон вышел к городу Пятра, зажатому скалистыми горами. Условия — хуже некуда. А тут

новость — немцы в нашем тылу. Комбат направляет группу разведчиков. Оказалось — румыны сдаются в плен.

Тем временем рота батальона уже зацепилась за окраинные дома в городе.

Рассказ продолжает Евгений Головин: «...Корреспондент армейской газеты «За Победу!» подполковник Яков Шведов (да, да — тот самый Яков Шведов, автор песен «Смуглянка», «Орлёнок») нагнал батальон Хованского, когда он, овладев Пятрой, преследовал противника в горах. Тут у него и состоялось знакомство с майором. Яков Шведов и комбат сошли с дороги, пропуская повозки с боеприпасами. Майор кратко и ясно отвечал на вопросы корреспондента, давая понять, что задерживаться никак нельзя, так как

впереди уже завязывался бой. На том первая встреча и закончилась, но знакомство сохранилось на всю жизнь.

Прошло несколько дней. На одном из рубежей батальон был атакован противником, создавалась угроза обхода поредевшего батальона с флангов, а это в горах опасно, комбат доложил мне — начальнику штаба полка — сложившуюся обстановку. Докладывая, не просил поддержки, но по всему чувствовалось, что на неё рассчитывает. В ответ, — продолжает Головин, — я взял газету, кричу: — Послушай стихи! — Какие стихи? До них ли мне сейчас?

— Ты послушай, — настаиваю я. — Яков Шведов написал. Тут целая баллада на газетную страницу:

Хованский Владимир Григорьевич с женой Розалией Петровной в день золотой свадьбы. 1988 год

*Карпатская тёмная ночь
Темнее была между гор.
Мы шли по ущелью цепочкой,
Отряд вёл Хованский майор.*

Слышу в трубке автоматную дробь, но продолжаю читать:

*Готов был к неравному бою
Пред ДОТаами каждый солдат,
Несли мы взрывчатку с собою,
По тройке надёжных гранат.
Мы — слава Отчизны —*

пехота,

*И дрогнул под натиском враг,
— Вперёд! На поверженных*

ДОТах

С тобой мы станцуем гопак!

Так я прочитал всю поэму до конца и слышу в трубку негромкий голос комбата: — Обстановка тяжёлая, но помощи не прощуй! Справлюсь!»

Перевёрнута очередная страница летописи воспоминаний об отце.

Уже после освобождения Румынии командование отправляет моего отца, двадцатипятилетнего молодого, но талантливого командира батальона с предписанием в Москву на курсы повышения боевого мастерства «Выстрел» (в городе Солнечногорске), а по пути доставить в Генеральный штаб Красной Армии пленённого короля Румынии Михая. Состав из пяти комфортабельных вагонов (в двух из них находилась охрана) был отправлен в Москву. Отец и его

ординарец Иван находились в одном вагоне с королём. Обедали, как правило, втроем. Михай однажды спросил отца, почему офицер позволяет слуге обедать рядом с ними. Отец ответил: «Иван такой же человек, как вы и я, он выше нас с вами, так как много раз защищал командира своей грудью от вражеских пуль. Я ему обязан жизнью. И так — каждый боец в моём батальоне. Мы вместе проливали кровь за Родину, поэтому каждый боец мне дорог, как дитя. Вот почему Иван для меня брат, а не слуга, и я лучше бы с ним сидел за одним столом, а не с вами».

Отцу было 26 лет. Он был награждён за подвиги двумя орденами Красного Знамени, орденом Богдана Хмельницкого, двумя орденами Отечественной войны 1-й степени, орденом Отечественной войны 2-й степени, 8-ю медалями, в том числе — «За освобождение Румынии» и «За Победу над Германией».

В 1945 году отец был назначен начальником штаба Чакаловского (позднее Оренбургского) пехотного училища. Его практическое умение воевать не прошло даром. На основе этого опыта он пишет ряд «наставлений стрелковым частям» (на военном языке это «инструкции»), например, по проведению ночного боя в населённом пункте, по взятию укрепрайона, по захвату стрелковыми подразделениями плацдармов при переправе

через водные преграды и тому подобное. На основе своих разработок до ноября 1948 года преподавал тактику в пехотных училищах сначала г. Чкалова, а затем — Уфимского, куда был переведён начальником штаба в 1946 году, где и служил до ареста (1948 г.).

После освобождения из-под ареста в июне 1949 года с семьёй переехал в Саракташ, где работал учителем, завучем, затем директором ШРМ.

Вёл большую общественную работу, был председателем

Саракташского районного Совета ветеранов, затем председателем ВОИ Саракташского района.

Умер в 1991 году в пос. Саракташ. Его провожал весь посёлок.

Среди тех, кто шёл за гробом, был его ближайший друг, с которым они брали плацдарм при форсировании Днепра и освобождении Киева — Герой Советского Союза Чумаков Григорий Тимофеевич.

Светлую память об отце теперь хранят его внуки и правнуки.

Встреча ветеранов. 1975 год